

ЗЕРКАЛО
ТУМАНОВ:

САГА О ТИХОМ ПЛАМЕНИ

ЛЮДМИЛА СЕРГЕЕВНА
АНИЩЕНКО

18+

Людмила Анищенко

Зеркало туманов

«Автор»

2025

Анищенко Л. С.

Зеркало туманов / Л. С. Анищенко — «Автор», 2025

В её серых глазах отражалась лишь чужая неприязнь. Чтобы спасти отца, Люда шагнула в зеркало — в умирающий мир, где тени повторяли обидные шёпоты её семьи. Она выиграла ту битву силой сердца, но дома ждала война: холод матери, ненависть сестры, собственное отчаяние. Ей предстояло потерять всё, чтобы понять — её тихое, упрямое пламя способно растопить любой лёд. История о самой трудной магии: пройти сквозь туман чужой боли и разжечь очаг своего счастья.

© Анищенко Л. С., 2025

© Автор, 2025

Людмила Анищенко

Зеркало туманов

Книга 1. Туман одиночества

Пролог. Дом, где нет тепла

В деревне Подгорной, затерянной среди холмов, где туманы стелются по низинам до полудня, жила девушка по имени Люда. Все звали её Людушкой, но ласковое имя звучало в устах соседей с жалостью, а в устах семьи – с насмешкой или раздражением.

Её мир состоял из скрипучих половиц старой избы, запаха щей да хлеба, и вечного, гнетущего чувства, что она здесь лишняя. У неё были длинные, тёмно-русые волосы, цвета спелой ржи под грозовым небом, и серые глаза – точь-в-точь как у отца, Семёна. В них отражалась и глубокая речная вода, и пепел от печи, и та неизбывная грусть, которую она носила в себе с детства.

Мать, Аграфена, была женщиной строгой, с руками, загрубевшими от работы, и с вечно сжатыми губами. Её любовь, сухая и практичная, доставалась целиком и полностью старшей дочери – Вете. Это не была просто симпатия; это был закон, высеченный в камне семейной истории. В детстве Вета была болезненной, и каждая её хворь – реальная или мнимая – становилась событием. Аграфена возила её по знахаркам и городским лекарям, ночами не отходила от кровати, спала с ней вместе, оберегая каждый её вздох. Людушка, засыпая одна на холодной лежанке, тихо плакала от желания просто прижаться к материнскому боку, почувствовать её руку на лбу. Но та лишь отмахивалась: «Не мешай, Ветке плохо» или «Не путайся под ногами, ты здорова, тебе и так хорошо».

Этот закон проявлялся во всём. Платья, кофты, даже ленты в косу – всё лучшее, новое, купленное с трудом, было Ветиним. Люде доставалось то, что из неё выросло, да и то с запла- тами. Однажды, осмелившись, Людушка тихо попросила: «Вета, ты всё равно это платье в сун- дуке держишь, не носишь. Дай я поношу, а?» Вета, не глядя на неё, поправляя свою собствен- ную, яркую юбку, бросила: «Самой пригодится. Надо – пусть мама тебе своё сошьет». Но мама не шила. У Люды была одна, серая, вечно длинноватая домотканая одежда.

Вета была полной противоположностью Людушке не только внешне: светловолосая, яркая, с карими глазами и твёрдой уверенностью, что мир создан для её удобства. Она любила, чтобы всё было «по её». Их разговоры с матерью – тихие, заговорщицкие, за закрытой дверью или в уголке горницы – были неприступной крепостью, в которую Людушке вход был заказан. Там решались судьбы платьев, обсуждались соседи, строились планы, в которых для Люды не находилось места.

Отец, Семён, уставший молчаливый лесник, был её единственным островком тишины. Он учил её различать птичьи голоса, показывал, где прячутся лисички, и иногда, украдкой, гладил по голове, когда никто не видел. Но он был словно тень в собственном доме, не смея перечить Аграфене в её суровых методах воспитания. За неосторожное слово, за разбитую чашку, за взгляд, который матери показался дерзким, Людушка могла получить подзатыльник или быть отправленной спать без ужина.

За неосторожное слово, за разбитую чашку, за взгляд, который матери показался дерз- ким, Людушка могла получить подзатыльник или быть отправленной спать без ужина. А Вета, чувствуя свою безнаказанность и поощряемая материнским молчаливым одобрением, могла накинуться на неё с кулаками – за то, что та «не так посмотрела», за то, что «заняла её место» на лавке, а то и просто от скуки и желания утвердить власть. После нескольких таких жестоких уроков Людушка выработала стратегию выживания: быть тише воды, ниже травы, держаться подальше. Она научилась считывать малейшее изменение в настроении сестры и мгновенно исчезать, как мышь в нору. Они отдалялись друг от друга с каждым днём, и это расстояние

было для Люды синонимом безопасности. И тем горше, тем мучительнее были те редкие, как солнечный луч в ненастье, моменты, когда Вета вдруг позволяла ей быть рядом – сидеть на краю скамьи, пока она болтала с подружкой, или даже давала поддержать какую-нибудь безделушку. В эти мгновения Людушка расцветала внутренне, сжигая себя на костре этой крошечной, дарованной свыше близости. Но лучи эти становились всё короче и реже, а потом и вовсе погасли, оставив после себя лишь пепел надежды и привычный, леденящий холод отчуждения.

«Что со мной не так?» – этот вопрос жужжал в её голове, как назойливая муха, каждую ночь, когда она прислушивалась к смеху матери и сестры из-за перегородки. Она мечтала, чтобы мама обняла её просто так, а Вета взяла с собой на посиделки к соседкам. Но всё было напрасно.

Своё спасение она находила в мечтах. Где-то далеко, за дремучим Чернолесьем, за синими горами, её ждал прекрасный принц. Он будет добрым, с глазами цвета летнего неба, и полюбит её сразу, всю – и косы её, и тихий голос, и грусть в серых глазах. Но реальность подкидывала иных «принцев». Сын местного лавочника дёргал её за косы, называя «мышь лесная». Заезжий сын боярина, увидев её на рынке, громко поинтересовался у свиты, не приведена ли эта сероглазая дикарка в дар для медвежьей забавы. Они смеялись, а она, покраснев до слёз, прятала лицо в ладонях, чувствуя себя ещё более одинокой и ничтожной.

Так и жила бедная Людушка одна, со своим горем, будто невидимым холодным камнем на сердце. Её дом был полон людей, но тепла в нём не было. Оно хранилось в другом месте – в запретных разговорах за дверью, в шкатулке с Ветиными нарядами, в тёплой материнской кровати, куда ей не было пути. Оставалось только ждать чуда или конца.

Часть 1. Трещина в мире

Всё изменилось в день, когда отец не вернулся из леса. Небо, доселе ясное, к полудню почернело, и на Подгорную обрушилась буря невиданной ярости. Казалось, сам лес восстал, швыряя в хлипкие стёкла избы ветви, грязь и раскаты грома. Семён ушёл с утра проверить капканы на волков. К ночи его не было.

Аграфена металась по избе, и её страх, острый и животный, немедленно нашёл себе выход. Не в слёзы, а в ярость. Её взгляд, как шило, вонзался в Людушку, прижавшуюся в углу.

«Не суйся под ноги, сглазишь ещё! – шипела она, хлопая дверцами. – Вечно он с твоими-то проводами... Всё из-за тебя!»

Вета, бледная, но с тайным торжеством в глазах, вторила, обвиваясь вокруг матери, как плющ: «Я же говорила, мам, не пускай его одного в такую погоду. Он ведь совсем не слышит, когда я про что важное говорю. Всё у него по-своему».

На третий день, когда уже и надежда стала гаснуть, он вернулся. Но это был не отец, не Семён-лесник. Это была его тень. Он шагнул через порог, бледный как смерть, с лихорадочным, нездешним блеском в своих серых глазах – глазах, которые теперь смотрели сквозь стены, в какой-то иной ужас. Его зипун был разорван, а на плече зияла рана. Но не рваная, не от когтей или пули. Она была странно чистой, с ровными краями, будто вырезанной лунным лучом, и не кровоточила, а лишь слабо светилась изнутри мертвенным, фосфоресцирующим сиянием. В руках он сжимал свёрток – не добычу, а нечто бесформенное, завёрнутое в грязную, сырую холстину, от которой пахло мхом, гниющим деревом и... озоном, как после грозы.

«Нашёл... в старом дупле, – прохрипел он, и голос его был полон песка и ветра. – Буря... дерево расколосось... И оно... смотрело...» Он не договорил. Силы оставили его, и он рухнул на лавку, погружаясь в горячечный бред, где бормотал о «сияющих тварях без лиц», о «пении замёрзших камней» и о «тумане, что пьёт душу».

Пока мать и Вета в ужасе суетились вокруг него, пытаясь промыть неземную рану солёной водой и причитать, Людушка, забытая всеми, подобрала выпавший из его ослабевших пальцев свёрток. Холстина развернулась сама собой. Внутри лежало зеркало. Небольшое в простой деревянной раме, почерневшей от времени, будто её обуглили. Стекло было не просто мутным. Оно было туманным изнутри, будто в его глубине навеки застыло дыхание того самого леса, из которого отец принёс смерть. Когда Людушка, машинально, взглянула в него, сердце её не просто ёкнуло – оно замерло. Её отражение было нечётким, размытым, будто её истинное лицо пряталось за пеленой. Но в глубине, за этой пеленой, что-то шевельнулось. Неясный силуэт, проблеск света. И в ушах отозвался далёкий, мелодичный, ледяной звон – будто кто-то тронул тончайшие хрустальные струны, натянутые между мирами.

С этого дня в дом вошли два чуда. Первое – странная, необъяснимая болезнь отца, от которой его трясло в сухом жару, а в бреду он говорил вещи, от которых стыла кровь. Второе – тихое, навязчивое, магнитное притяжение зеркала. Люда спрятала его под рыхлую половицу у своей лежанки. Оно стало её тайной, её грехом и единственной отрадой – окном в мир, где, возможно, не было этой боли.

По ночам, когда дом затихал, она вынимала его. Отражение становилось чуть чётче. Иногда ей казалось, что сквозь черты её собственного лица – серые глаза, тёмные волосы – проступают иные. Тоньше, острее, печальнее. А однажды, в ночь полнолуния, когда лунный свет серебрил половицы, она явственно увидела в глубине стекла не свою убогую горенку, а залившую тем же призрачным светом поляну, усыпанную неземными серебристыми цветами, колыхающимися в невесомом ветре.

Мать и Вета, занятые отцом и хлопотами, почти забыли о ней. Но их шёпоты за перегородкой стали ещё таинственнее, ядовитее.

«Это не болезнь, – слышала Люда прерывистый шёпот Аграфены. – Это порча. Глаз лихой. Кто-то наслал. Он что-то не то в лесу нашёл, не то увидел...»

«Или с кем не тем встретился, – вторил ей голос Веты, полный суеверного ужаса и... странного удовлетворения. – Я всегда говорила, он не от мира сего. В лес как уйдёт – так и пропадает. Теперь вот... расплата. И на нас всех может обернуться».

Аграфена добавляла, и её шёпот был подобен шипению змеи: «Принесёт ещё в дом какую нечисть... всю жизнь на нём, как на провальном месте. И детей таких же нажил...»

И взгляд матери, тяжёлый, подозрительный, полный немого обвинения, теперь всё чаще и неотрывно задерживался на Людушке. Будто в болезни мужа, в этом мистическом проклятии, павшем на дом, она видела не горе, а подтверждение. Подтверждение своих самых тёмных мыслей о том, что и муж, и младшая дочь – одно поле ягоды, отмеченные одной странной, чужеродной печатью. И этот взгляд был страшнее любых криков. Он говорил: «Ты – часть этого зла. Ты – следующая».

Часть 2. Призрачный гость

Отец слабел. Местный лекарь только разводил руками. Аграфена, сжав губы, собрала деньги и отправилась с Ветой в город за помощью, оставив Людушку присматривать за больным.

В первую же ночь их отсутствия случилось нечто. Отец в бреду кричал так, что стёкла дрожали. Людушка, в отчаянии, вытащила зеркало – свою единственную магическую надежду. Она сидела у его постели, сжимая в руках холодную раму, и молилась всему, что только могло услышать. Вдруг, отражение в зеркале заколебалось, и туман в нём рассеялся. Она увидела не

себя, а комнату, но не свою. Комнату с высокими потолками, стенами из светлого дерева, где в воздухе висели капли света, как пыльца. А перед ней стояло существо.

Оно было похоже на человека, но слишком уж идеально, будто вырезано из лунного луча. Длинные серебристые волосы, глаза цвета зимнего неба, в которых плескалась целая вечность. Одежда струилась, как живой туман. Существо склонило голову, и его голос прозвучал не в ушах, а прямо в сознании Людушки, тихо и печально:

«Хранительница. Ты разбудила портал. Его рана – это печать. Она открыта горечью твоего одиночества».

«Кто ты? Что с отцом?» – хотела крикнуть Людушка, но из горла вырвался только шёпот.

«Я – Эльван, из мира Зазеркалья, что вы называете Туманами. Твой отец наткнулся на нашу угасающую святыню – Древо Зеркал. Страж, охраняющий её, ранил его, исказив энергию. Рана – это дыра между мирами. Она питается болью этого дома. Особенно твоей».

«Моей? Но я же ничего не делала!»

«Ты не делала. Ты чувствовала. Твоё одиночество, твоя тоска по любви – это чистый, горький ключ энергии. Он и держит проход открытым. Если его не закрыть, твой отец умрёт, а щель разрастётся, поглотив и ваш мир, и наш».

Эльван объяснил, что мир Туманов умирал. Магия уходила из него, как вода из высохшей реки. Древо Зеркал, источник связи между мирами, почти погасло. Но рана, нанесённая чужеродной плотью (отцом Люды) и омытая её чужеродной, сильной скорбью, создала болезненный, опасный канал.

«Чтобы исцелить отца и закрыть проход, нужно найти в нашем мире Сердце Древа – последний живой кристалл. Но путь к нему лежит через Разлом, где тени отчаяния обрели форму. Ты должна пройти. Ты, Хранительница портала. Твой дух уже отмечен связью».

Людушка с ужасом смотрела на хрупкое существо. Она, забитая, никому не нужная девочка, должна спасать миры? Это казалось абсурдным.

«Почему я? Моя сестра... мать... они сильнее».

«Их сердца полны иным: гордыней, страхом, желанием контроля. Их энергия только разорвёт щель шире. Нужна тихая сила. Сила, что знает глубину печали, но не сломалась. Сила, что мечтает о свете, даже видя тьму».

Отец застонал. В его ране, на мгновение, мелькнул бледный, фосфоресцирующий свет.

«Решай, Хранительница. Время течёт. И в твоём мире, и в моём».

Часть 3. В мире за туманом

Людушка сделала шаг. Не вперёд, а в зеркало.

Ощущение было похоже на погружение в холодную, плотную воду, что сомкнулась над головой и вытолкнула в иное измерение. Свет померк, в ушах зазвенел высокий, чистый звук, разрезающий саму материю, – и вот она стояла на той самой поляне с серебристыми цветами. Воздух был другим – тонким, резким, пахнущим озоном и сладковатым запахом увядания, как от осеннего яблока, тронутого гнилью. Вокруг росли деревья с листвой из хрустала и опала, переливающейся призрачным светом, но многие были покрыты чёрными, язвенными пятнами и рассыпались в мелкую, пепельную пыль при малейшем дуновении. Мир Зазеркалья был прекрасным, жутким и бесконечно печальным призраком самого себя.

Эльван стал её проводником, его фигура будто выточена из лунного луча и печали. Путь к Сердцу Древа лежал через Лабиринт Памяти, где тропинки извивались и распадались, подстраиваясь под самые погаённые страхи путника. Затем – через Реку Стенаний, чьи медленные, тягучие воды были не влагой, а сгустком жидкой, беззвучной тоски, парализующей волю. И, наконец, к самому Разлому – гигантской, пульсирующей трещине в самой плоти мира, из которой извергались не лава и дым, а сгустки живой, голодной тьмы. И эта тьма обретала форму.

Знакомую, до боли родную форму.

Вот материализуется насмешливый оскал сына лавочника. Вот из клубков мрака складывается суровая, неумолимая фигура Аграфены. Вот возникает надменная, холодная тень Веты. Они были пародиями, карикатурами, слепленными из её же собственных воспоминаний, но их шёпот был точен, как лезвие:

«Куда ты лезешь, мышь лесная? Тебе тут места нет».

«Всё из-за тебя. Все беды из-за тебя одной».

«Никто тебя не ждёт. Никто тебя не любил и не полюбит. Ты – пустое место».

Раньше эти слова заставляли её сжиматься внутри, превращаться в комок боли. Но теперь, глядя на эти уродливые марионетки, сделанные из мрака умирающего мира, Людушка впервые почувствовала не боль, а гнев. Неправедный, чистый, кипящий гнев. Это была ЕЁ боль, ЕЁ одиночество, вывернутые наизнанку и направленные против неё же. Это был грабёж.

«Нет! – крикнула она, и её голос, обычно тихий, как шорох листьев, прозвучал с несвойственной силой, раскалывая тягучий воздух. – Вы – не они! Вы – эхо! Пыль! А я... я живая!»

Она не знала никаких заклинаний. У неё в руках был только кусок твёрдого, холодного хрустала, подобранный на берегу Реки Стенаний – слеза этого мира. Но когда тень-Аграфена, с лицом, искажённым привычным презрением, потянулась к ней ледяными пальцами, Людушка не отпрянула. Она шагнула навстречу. Закрыла глаза, чтобы не видеть карикатуру, и изо всех сил представила не ту мать, что была. А ту, о которой мечтала: с мягкими руками, с улыбкой в уголках строгих губ, с взглядом, полным не раздражения, а тихой радости. Она вложила в этот мысленный образ всю силу своей нерастраченной, отвергнутой любви, всю жажду принятия, которая годами копилась в её сердце.

Тень, столкнувшись с этим сияющим призраком иной возможности, с реальностью любви, которой в ней не было, завизжала – нечеловеческим, тонким звуком – и расползлась, как клуб чёрного дыма на ветру.

Эльван смотрел на неё с изумлением и зарождающейся надеждой, что окрасила его печальные глаза. «Ты не борешься с ними их же оружием – страхом и ненавистью, – прозвучал его голос в её сознании. – Ты отвечаешь тем, чего у них нет, и не может быть. Тем, что живёт в тебе, несмотря ни на что».

Они достигли Древа. Оно было величественно и ужасно – гигантский, почерневший, как обугленное сердце мира, ствол. Из глубоких трещин в нём сочился угасающий, болезненный свет. В самой его сердцевине, будто заточённое в каменную ловушку, тускло пульсировало аметистовое сияние – Сердце. Путь к нему преграждала Чаща Отражений. Здесь каждый гладкий лист, каждый плод, каждая лужица была зеркалом, показывающим не внешность, а сущность, самое ядро души.

Люда взглянула – и увидела себя. Маленькую, испуганную девочку в слишком большом платье, с глазами, полными немного вопроса: «Что со мной не так?» Это отражение жаждало любви, как воздуха.

Но рядом, из того же зеркального марева, возникло другое. Девушка с прямой спиной. С длинными тёмно-русыми волосами, развевающимися как знамя. С серыми глазами, в которых горел уже не тусклый свет страдания, а ровное, твёрдое, внутреннее пламя. Девушку, которая стояла перед тенью и не сломалась. Которая могла идти сквозь лабиринт чужой боли, неся в себе тихий свет. Эта девушка смотрела на маленькую Людушку не с жалостью, а с признанием.

«Я и есть она, – осознала Люда, и это знание пришло не как открытие, а как возвращение домой. – Просто мне никогда не давали ей быть. Не давали вырасти».

Она протянула руку, уже не детскую, а сильную, с проступающими жилами, и коснулась Сердца Древа. Оно было тёплым. Энергия мира Туманов, чистая, древняя и бесконечно

печальная, хлынула в неё. Она не поглотила её, а словно омыла, и в этом потоке пронесли видения, но уже не кошмары, а понимание:

Она увидела мать, Аграфену, молодую и испуганную не потерей, а постоянной, выматывающей болезненностью Веты. Каждую ночь у её кровати, каждый вздох, похожий на хрип. Страх, что хрупкая девочка, в которую она вложила все силы, умрёт. И рядом – другая дочь. Крепкая, тихая, здоровая. Не требующая ежеминутной заботы, а потому кажущаяся чужеродной, почти упрёком. В Людушкиных серых глазах, так похожих на глаза мужа, она видела не дочь, а напоминание о том мире суровой нормы и тяжкого труда, который её пугал. И она отгородилась от них обоих стеной раздражения, вцепившись в Вету как в единственный понятный объект для своей измученной любви.

Она увидела отца, Семёна, сломленного не столько тяжким трудом, сколько этим ледяным, бесконечным неодобрением. Он видел, как страдает младшая, но его собственная тоска сироты и неудачника казалась ему таким жалким даром, что он не смел предложить его в утешение. Его молчание было не равнодушием, а параличом души, страхом сделать ещё большее.

Она увидела и саму Вету, которая с детства поняла простую, чудовищную арифметику: мамина любовь = её болезнь, её слабость. И она инстинктивно цеплялась за роль слабой, за право на внимание, яростно охраняя свой скудный ресурс любви от сестры, которая могла бы, по её мнению, отобрать всё. Её жестокость была оружием, броней испуганного, голодного ребёнка.

Их боль не оправдывала жестокости. Но делала её понятной. Человечной. Это были не монстры, а искалеченные люди, сами попавшие в ловушку собственных страхов.

«Прими. И... отпусти», – прозвучал голос, то ли самого Древа, то ли того нового, сильного отражения в её собственной душе.

Людушка взяла Сердце, и оно отделилось от Древа, легкое и тёплое, как живой уголёк, в её ладонь. Мир вокруг задрожал, и Чаща Отражений начала рушиться, осыпаясь хрустальным звоном. Путь назад лежал через рушившийся лабиринт её прежних страхов. Но теперь она несла в руках не только ключ к спасению отца. Она несла знание, которое было тяжелее любого кристалла и светлее любой надежды.

Часть 4. Возвращение

Она очнулась в своей горнице, на полу. В руке сжимала не хрусталь, а странный, тёплый камень, похожий на застывший солнечный луч. Рядом лежало зеркало, но теперь оно было просто куском мутного стекла – портал закрылся навсегда.

Из-за перегородки донёсся голос отца, тихий, но ясный: «Груня... воды...»

Отец пришёл в себя. Рана на его плече затянулась, оставив лишь бледный, причудливый шрам, похожий на узор инея. Лихорадка ушла.

Возвращение матери и сестры было бурным. Увидев выздоровевшего Семёна, Аграфена сначала расплакалась, потом обняла его, а потом её взгляд упал на Людушку, сидевшую в углу с каким-то странным, новым спокойствием на лице.

«Что... что случилось?» – спросила мать, и в её голосе впервые за много лет не было раздражения, только растерянность.

«Людушка выходила меня», – просто сказал отец, и его взгляд встретился с дочерним. В нём была благодарность и какое-то новое, глубокое уважение.

Вета фыркнула: «Чего она могла сделать? Нашептала, наверное, у зеркала». Но её голос звучал неуверенно.

Аграфена молча подошла к Людушке. Долго смотрела на неё, будто видя впервые. Видела длинные тёмно-русые волосы, серые, как у отца, глаза. Но в этих глазах теперь не было прежней тоскливой мольбы. В них была глубина и тихая сила. Сила того, кто прошёл сквозь тьму и нёс в руках свет.

Мать не обняла её. Не стала вдруг любящей. Старая обида и привычка – крепкие цепи. Но она не отвернулась. Не накричала. Она просто вздохнула и сказала: «Иди, умойся. Вид у тебя... уставший».

Это было не признание. Не любовь. Но это был первый шаг. Шаг через порог той самой крепости, куда Людушке раньше не было входа.

Эпilog. Не принц, а царство

Прошло время. Отец окреп. Отношения в доме не стали сказочно идеальными. Вета всё так же ворчала, мать часто хмурилась. Но больше не было тайных разговоров за закрытой дверью. Вернее, дверь теперь не закрывалась. А однажды Вета, собираясь на гулянье, бросила через плечо: «Иди с нами, что ли. А то одна сидишь, как сын».

Это было не теплое приглашение подруги, а скорее снисхождение. Но и в нём Людушка услышала сдвиг. Осторожный, неловкий, но сдвиг.

Она пошла. И на гулянье, и в поле, и на посиделки. Её по-прежнему не замечали перспективные парни. Но теперь она и не ждала принца. Она нашла нечто большее – себя. Ту, что прошла через Разлом и осталась собой. Её серые глаза теперь смотрели на мир не с мольбой, а со спокойным знанием.

Сын лавочника как-то попробовал дёрнуть её за косу. Людушка не покраснела и не убежала. Она повернулась, посмотрела на него тем своим новым, глубоким взглядом и спокойно сказала: «Не делай так больше». И он, к собственному изумлению, отступил, пробормотав извинения.

Она поняла, что её «прекрасный принц» – это не рыцарь на белом коне, который спасёт её из башни. Это целое царство, которое она нашла внутри себя. Царство тихой стойкости, сострадания (даже к тем, кто её обижал) и силы, рождённой не в гневе, а в принятии.

Люда (уже не Людушка-несчастенькая, а просто Люда) часто выходила на опушку Чернолесья. У неё в кармане лежал тот самый тёплый камень – Сердце Древа. Он не светился, но грел ладонь, напоминая о мире за туманом, который выжил. И о том, что иногда, чтобы исцелить мир вокруг, нужно сначала отважиться заглянуть в самую глубину собственного отражения – и найти там не изъян, а ключ.

А в доме, под половицей, лежало простое мутное зеркало. Напоминание о том, что самое большое волшебство начинается не с заклинаний, а с одного смелого шага навстречу самому себе. Даже если этот шаг ведёт сквозь боль, сквозь туман, и сквозь слёзы, которые, высыхая, оставляют на щеках узоры мудрости.

Книга 2. Сердце, несущее свет

Часть 1. Тихие воды, глубокие

Прошло два года. Дом в Подгорной стоял всё тот же, но воздух в нём изменился. Не стало радостным и лёгким – слишком много лет недоверия и обиды осели в бревенчатых стенах. Но тяжёлая, гнетущая тишина сменилась тишиной мирной, а порой её прерывали обычные, бытовые разговоры, в которые теперь включали и Люду.

Аграфена не стала нежной матерью. Но она стала справедливой. Однажды, когда Вета попыталась прибрать к рукам новую кофту, сшитую для Люды, мать твёрдо сказала: «Это твоей сестре. У тебя своя есть». Вета остолбенела, а Люда поймала взгляд матери – короткий, испытующий, будто Аграфена сама проверяла свои новые слова на прочность. Это был не прорыв, а медленное, осторожное отступление ледника. Оттепель была хрупкой: на следующий день мать снова могла буркнуть что-то резкое, но уже не про «дуру бестолковую», а про «копушу». Прогресс измерялся не в ласках, а в смягчении яда привычных укоров.

Отец Семён, окончательно окрепнув, стал больше бывать дома. Он начал учить Люду не просто слушать лес, а понимать его язык. Эти уроки стали её настоящей академией.

«Видишь дуб этот, с наплывом, как будто старик горбится? – водил он её рукой по шершавой коре. – Он не болеет. Он хранит память. Тут молния била, но он решил жить. Дерево с такой памятью не рубай, даже если сухое стоит. Оно страж».

Он показывал ей, где земля «просит покоя» – рыхлая, неестественно тёплая полянка, где не стоит собирать грибы, будто сама почва устала. И где таилась настоящая опасность, не волчья, а человеческая: подлая тропка браконьеров, помеченная сломанными ветками, или рыхлая, предательская почва на обрыве, маскирующаяся под крепкий дёрн.

Он видел в ней не хрупкую девочку, а наследницу – тихую, внимательную, с каким-то особым чутьём, которое иногда пугало его своей точностью. Люда расцвела в этой тихой компании отца и деревьев. Её серые глаза, всегда казавшиеся устремлёнными куда-то внутрь, теперь смотрели наружу, впитывая каждый узор на коре, каждую игру света в листве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.